

УДК 342.5

С.А. Осетров*

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ: ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

В статье рассматривается один из базовых принципов современного конституционализма – принцип разделения власти. Автор статьи анализирует историю появления, развития соответствующего принципа, а также практику его реализации в Российской Федерации и зарубежных странах. В результате автор приходит к выводу о том, что реализация принципа разделения власти в современных условиях не может носить абсолютный характер, поскольку не отражает всех закономерностей функционирования государственной власти. В этой связи в статье предлагается внести уточняющие изменения в статью 10 Конституции России.

Ключевые слова: разделение власти, система власти, современный конституционализм, президентская власть, модернизация Конституции России.

Двадцатилетний опыт реализации Конституции России позволяет нам дать определенную научную оценку принципу разделения власти как с позиции его реализации в современных политико-правовых условиях, так и с точки зрения дальнейших конституционных перспектив его применения.

Выводы, содержащиеся в настоящей статье, носящие в некотором смысле провокационный характер, во многом являются предложением к научной дискуссии проблематики конституционных параметров устройства публичной власти в Российской Федерации.

1. Первый тезис, который предлагается к обсуждению, заключается в том, что статья 10 Конституции России, предусматривающая внедрение системообразующего для публичной власти принципа разделения власти, является по своему содержанию лишь ориентирующей, не имеет реального юридического содержания и не основана на фундаментальных теоретических знаниях.

Что характеризует любую научную теорию?

Теория чаще всего понимается «как система научного знания, описывающая и объясняющая некоторую совокупность явлений и сводящая открытые в данной области закономерные связи к единому объединяющему началу» [1, с. 504].

В.М. Сырых отмечает, что в числе основных и необходимых признаков любой теории чаще всего выделяют:

- 1) предметность;
- 2) системность;
- 3) полнота;
- 4) логическая обоснованность и непротиворечивость;
- 5) истинность и достоверность [2, с. 130–131].

Если указанные критерии, характеризующие определенную совокупность научных знаний в качестве теории, экстраполировать на теорию разделения власти, то обнару-

* © Осетров С.А., 2014

Осетров Сергей Анатольевич (sergey-lupus@mail.ru), кафедра государственного и административного права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

живается, что разделение власти пока не обладает всеми качествами полноценной научной теории как предметного, системного, логически обоснованного и достоверного знания. К настоящему времени в конституционно-правовой науке нет единых представлений даже о цели разделения власти. Что касается разработчиков теории разделения власти, то Дж. Локк вводил теорию разделения властей для того, чтобы предотвратить концентрацию всей полноты власти в одних руках и помешать осуществлять власть исключительно в собственных интересах, отличных от интересов всего общества [3, с. 347]. Монтескье в качестве цели разделения властей видел обеспечение политической свободы в обществе [4, с. 137]. В то же время другой целью разделения властей у Монтескье было разделение властвования между различными социально-политическими силами (сословиями) [5, с. 26–27]. Разделение властей признавалось Г. Гегелем гарантией публичной свободы [6, с. 309]. Современные ученые рассматривают разделение власти в том числе с позиции обеспечения баланса власти в рамках теории динамического равновесия [7, с. 287–288], обеспечения уравновешения в пределах правового государства различных ветвей его власти [8, с. 291]. Отдельные исследователи, к примеру, в качестве специфической цели разделения власти указывают на обеспечение правовой свободы [9, с. 6].

Необходимо также отметить, что в науке права не оформилось и единое наименование теории разделения власти. Так, некоторые российские дореволюционные юристы (В.М. Гессен [10] и др.) вместо термина «разделение властей» предлагали термины «отделение властей», «отделение ветвей власти». В современных работах американских исследователей вместо английского «division of power» (разделение власти, взятое в единственном числе) все чаще употребляется термин «separation of power» или даже «separation of powers» (множественное число), что по смыслу ближе к понятию отделение, размежевание власти, властей или даже полномочий [11, с. 142]. Отдельные западные исследователи последовательно проводят мысль о том, что поскольку в каждом современном государстве независимо от формы правления и государственного устройства вся власть, в конечном счете, принадлежит народу, коренится в народе и существует для народа, то логичнее в таком случае вести речь не о разделении властей, а о разделении функций (компетенции, сфер деятельности и полномочий) различных государственных органов [8, с. 304–305].

Как ни парадоксально, но до сих пор в науке права не разработан четкий понятийный аппарат теории разделения власти. Разделение власти в интерпретации различных исследователей предполагает выделение самостоятельных «ветвей (родов, отраслей)» власти. В то же время строгое определение «ветви государственной власти» до сих пор отсутствует.

Таким образом, теория разделения власти в современной науке права вряд ли может быть охарактеризована в качестве полноценной теории и представляет собой определенную совокупность теоретических и эмпирических знаний, которые, однако, не обладают всеми характеристиками теоретического знания, в том числе качеством системного знания.

Если рассматривать идею разделения власти с позиции такого критерия, как полнота теории, то есть всестороннее описание ее предмета, то возникают следующие проблемы, на которые неоднократно обращалось внимание в научной литературе. Разделение власти в классическом варианте, предполагающее выделение трех ветвей власти, претендует на завершенность подобной модели организации государственной власти и исчерпывающий характер функций органов государственной власти — законодательной, исполнительной и судебной.

Н.М. Коркунов, по нашему мнению, верно оценил подобное построение теории разделения власти. Он указал, что элементы государственного властвования не могут

быть сведены к какой бы то ни было абсолютной, неподвижной схеме. Элементы властвования, его функций образуются и развиваются вместе с развитием государственной жизни [12, с. 327].

В этой связи до сих пор актуальной представляется оценка разделения власти в интерпретации Ш.Л. Монтескье, данная Н.М. Коркуновым, который утверждал, что теория разделения властей, чтобы стать теорией, нуждается в обобщении, чтобы объяснить все пестрое разнообразие форм распределения функций властвования между различными учреждениями [12, с. 327].

С учетом этого можно констатировать, что к настоящему времени не сложилось полноценной теории разделения власти и наименование ее в качестве таковой в научном плане представляется некорректным. В научном плане правильнее было бы говорить пока только о наличии концепции разделения власти как совокупности различных идей об организации публичной власти.

Кроме того, некоторые проблемы реализации данного принципа обусловлены тем, что данный принцип (по сути, политический принцип) не имеет реального юридического содержания. Юридическое содержание данного принципа в любом случае выражается в закреплении компетенции органов государственной власти, разграничении их полномочий. Нормативное закрепление непосредственно принципа разделения власти во многом является политической декларацией. Профессор С.А. Авакьян весьма точно и афористично обозначил разделение власти в качестве одной из наиболее туманных категорий российского конституционализма [14, с. 331]. С учетом этого закрепление такого принципа в условиях отсутствия целостной правовой теории вряд ли способно создать полноценную правовую основу реализации власти и стать действительной юридической гарантией от злоупотреблений властью.

Разделение власти, будучи зафиксированным в Конституции России, представляет собой один из конституционных принципов организации государственной власти (принцип-норму). В то же время разделение власти не может быть охарактеризовано в качестве полноценного правового принципа (принципа-идеи) в отрыве от идеи единства власти. Именно единство и разделение государственной власти выступают в качестве единого системного правового принципа, поскольку только разделение и объединение власти в их неразрывном единстве составляют суть государственного властвования, отражают его сущностные связи и закономерности.

В юридической науке под правовым принципом понимают познанный юристами объективный юридический закон. Общеправовые принципы также понимаются как специфическое отражение в категориях правосознания основных объективно обусловленных закономерностей развития политико-правовой структуры общества [20, с. 148–149].

Под конституционно-правовыми принципами понимаются идеи, которые имеют фундаментальное или важное значение для развертывания конституционно-правового знания и в основу которых кладется та или иная мировоззренческая позиция, закономерность, выявленная практикой, или сформулированное умозрительно положение, являющееся плодом научной мысли [21, с. 166].

Следует различать принципы как правовые установления (нормы), получающие закрепление в нормах конституционного права, и принципы как правовые идеи (начала), воплощенные в теоретических построениях науки и косвенно определяющие направление и содержание конституционно-правового регулирования. Принципы-идеи как логические построения науки, служащие началом соответствующих теорий, по содержанию богаче принципов-норм. Между названными типами принципов существует неразрывная связь, предопределяемая тем, что в них раскрываются грани одного явления — конституционного права.

Таким образом, в основе конституционно-правовых принципов как идей лежат определенные закономерности политического развития общества и государства, то есть речь идет об объективности соответствующих принципов [23, с. 43–44].

Необходимо отметить, что реализация государственной власти на всем протяжении истории свидетельствовала о все большей дифференциации функций государственной власти, расширении пределов воздействия государственной власти на общество в целом. Все это требовало усложнения государственного механизма, профессионализации системы государственного администрирования, создания дополнительных органов государственной власти, выполняющих новые функции в системе государственной власти. При этом осуществление соответствующих функций в разных условиях требовало не только все большего разделения власти, но и ее объединения. Именно разделение и объединение власти составляют суть государственного властвования, отражают его сущностные связи и закономерности.

Единство государственной власти – одно из важнейших свойств ее системного характера, выражающих, во-первых, совместимость компонентов государственной власти, а во-вторых, особый характер существующих между ними отношений, обуславливающих ее целостность [25, с. 32]. Единство власти в связи с этим является имманентной характеристикой самой государственной власти. Это позволяет применить дуалистический подход к системе организации государственной власти, в которой реализуются и принцип единства государственной власти, и принцип разделения власти. На основании этого можно утверждать, что положения статьи 10 Конституции России, закрепляющие принцип разделения власти без указания на принцип единства власти, не отражают всех закономерностей реализации публичной власти и нуждаются в уточнении.

Таким образом, можно утверждать, что и сам термин «разделение властей», взятый во множественном числе, следует применять лишь к исторической концепции разделения властей. В настоящее время термин «разделение властей» во многом представляет собой научную абстракцию, не соответствующую конституционно-правовым реалиям, базирующимся на наличии в государстве единой и единственной государственной власти.

С учетом этого верным видится подход тех исследователей, которые рассматривают в системном единстве парные принципы единства и разделения государственной власти. Этим принципам присуще свойство относительности, то есть каждый из них в отдельности не в состоянии обеспечить гармоничное функционирование государственной власти [26, с. 13]. Представляется, что наиболее точно соответствующую мысль выразил А.Н. Кокотов, указавший на то, что вполне допустимо рассматривать принцип разделения власти как комплексный составной элемент принципа единства системы государственной власти [27].

Позитивно оценивая представленные подходы в целом в исследовании проблем единства и разделения государственной власти, представляется необходимым подчеркнуть, что с точки зрения практики осуществления государственной власти более корректным видится установление единого принципа организации государственной власти в форме ее единства и разделения, что и должно быть отражено в Конституции России.

Третье. Принцип разделения властей будет работоспособным только при условии, что разные ветви власти будут представлены различными социальными силами.

Дж. Локк и Ш.Л. Монтескье провозглашали разделение власти не просто как техническое распределение функций между государственными органами, а как разделение властвования в целях достижения классового компромисса между различными социально-политическими силами, боровшимися в период буржуазных революций за

господство. Так, Дж. Локк стремился сконструировать сложный политический механизм, способный уравновесить власть правительства, вложив отдельные части ее в различные руки, а именно – разделил ее между парламентом и королем, то есть в конечном счете между буржуазией и дворянством [29, с. 25; 30, с. 181–183]. Данная сторона концепции разделения власти – ее существо – наиболее всесторонне была развита в трудах Ш.Л. Монтескье. Для того чтобы придать формам управления большую стабильность, обеспечить политическую свободу всем социальным слоям, Ш.Л. Монтескье предложил провести разделение власти между различными социальными силами [31, с. 240; 29, с. 17]. **Ш.Л. Монтескье не видел политической свободы там, где разделение власти проведено только как конституционное разграничение функций государственных органов, тогда как все основные должности в них занимают лица одного и того же сословия** [29, с. 28].

В этом смысле весьма точно текущее состояние реализации принципа разделения власти охарактеризовал профессор С.А. Авакьян: «Принцип разделения властей был введен для того, чтобы обеспечить самостоятельность ветвей власти и их взаимный контроль. Но в условиях России происходит самое неприятное – сращивание ветвей власти. Такое сращивание мы наблюдали в советский период, это называлось номенклатурой. Времена как будто бы изменились, но номенклатурная бюрократия осталась. И не в том соль, что одни входят в депутатский корпус, другие – в правительственные структуры, третьи – в состав судов. Все равно это единая исполнительная бюрократия» [32].

В этом, на наш взгляд, и заключается важнейшая проблема эффективной реализации принципа разделения власти в Российской Федерации. В такой ситуации разделение власти в лучшем случае может выполнять функции «внутриэлитного» баланса.

Четвертое. Историческая триада ветвей власти не отражает реалий современного государства, в котором функционирует целый ряд государственных органов, не учтенных в классической концепции разделения власти.

В Российской Федерации в связи с этим даже формально реализована концепция, в соответствии с которой государственные органы в широком смысле подразделяются на органы государственной власти и государственные органы в узком смысле. При этом органы государственной власти – те, которые осуществляют государственную власть, указанную в статьях 10 и 11 Конституции России (законодательную, исполнительную, судебную и президентскую), а государственные органы в узком смысле – те, которые образованы для выполнения самостоятельных функций в системе государственного управления, наделены властными полномочиями, но не относятся к вышеуказанным ветвям власти. К соответствующим государственным органам относятся Счетная палата Российской Федерации, Центральный банк Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Администрация Президента Российской Федерации, прокуратура Российской Федерации, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации и др.

Пятое. Функционирование системы разделения власти в условиях взаимного сдерживания ветвей государственной власти представляется весьма затруднительным, поскольку в случае возникновения политических конфликтов равенство правовых возможностей ветвей власти может привести к «параличу» власти. В этой связи приоритет какой-либо ветви государственной власти в системе разделения власти при условии соблюдения прав и свобод граждан теоретически будет способствовать повышению оперативности и эффективности реализации государственной власти в условиях действия принципа разделения власти.

Большинство исследователей склоняются к мысли о том, что ветви власти должны находиться в равном положении в целях недопущения узурпации власти со стороны одной из них.

Представляется, что данный подход нельзя назвать в полной мере отвечающим реалиям государственного развития настоящего времени. В первую очередь, необходимо обратить внимание на то, что данный подход, допускающий возможность паралича государственной власти, выдержан в традициях либеральной демократии, рассматривающей государство как потенциального нарушителя свободы личности, «паралич» и «остановка» которого более предпочтительны, нежели чем злоупотребление властью. Вместе с тем подобный взгляд на конституционализм, как обоснованно отмечает И.А. Кравец, может быть принят только при условии, если институты и механизмы саморегулирования способствуют реализации субъективных прав и свобод человека и обеспечивают их защиту. В настоящий момент именно государство выступает наиболее активным и наиболее значимым институтом реализации и защиты прав и свобод граждан. Поэтому «паралич» государственной власти принесет несоизмеримо более существенный вред обществу, чем продолжение функционирования властной системы. Таким образом, указанный подход вряд ли адекватен существующим политико-правовым реалиям, поскольку не способен защитить права и свободы граждан от их нарушения.

Кроме того, подобный подход опровергается и сложившейся в зарубежных странах системой сдержек и противовесов, предполагающей, что любые политические конфликты в системе власти в конечном счете должны быть разрешимы в пользу того или иного варианта. Главное, чтобы управленческая система преодолела кризисное состояние и продолжила функционировать (к примеру, посредством роспуска законодательного (представительного) органа, возможности передачи рассмотрения вопроса на референдум, обращения в органы конституционного контроля (надзора), которые выносят окончательное решение, подлежащее обязательному исполнению).

Практическая реализация власти также свидетельствует о том, что наибольшую власть в своих руках в настоящее время концентрирует именно исполнительная власть (по некоторым оценкам, до 90 %). С другой стороны, дать оценку возможностям какой-либо ветви власти только лишь на основе нормативных предписаний невозможно. Точно отмечает И.А. Кравец, что равновесие в условиях взаимодействия властей не может быть статическим и к тому же полным, баланс властей в рамках конституционной системы может изменяться благодаря социально-политическим факторам или конституционному толкованию. В этой связи данный конституционалист отмечает, что предпочтительнее говорить о динамическом равновесии как отражающем реальный процесс взаимодействия властей.

С учетом этого попытка создать равные по значимости ветви власти выглядит весьма сомнительной. Реальное властвование может создавать самые разнообразные комбинации в плане оценки значимости тех или иных институтов власти. Таким образом, в системе власти вполне может существовать и перевес полномочий в пользу той или иной ветви власти или института власти.

С учетом вышеизложенного конституционная норма о разделении власти нуждается в серьезной переработке. **В этой связи предлагается следующая редакция статьи 10 Конституции России: «Единая государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разграничения полномочий органов государственной власти. Органы государственной власти самостоятельны в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации и законами».** Представленная редакция позволяет при сохранении методологии концепции «разделения власти» акцентировать внимание на необходимости обеспечения единства власти, а также отказаться от исторической триады ветвей власти.

Библиографический список

1. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974.
2. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. 2-е изд., стер. М.: ЗАО Юстицинформ, 2004.
3. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988.
4. Монтескье Ш.-Л. О духе законов. М., 1999.
5. Дмитриев Ю.А., Николаев А.М. Система государственной власти в России и мире: историко-правовая ретроспектива. М.: ООО «Профобразование», 2002.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
7. Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. СПб.: Издательство Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
8. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учеб. М.: Проспект, 2008.
9. Блажич Н.И. Модели разделения властей в правовом государстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
10. Гессен В.М. Основы конституционного права (издание 2-е). Петроград, издание юридического книжного склада «Право», типолитография товарищества А.Ф. Маркс, 1918.
11. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002.
12. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004.
13. Енгибарян Р.В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. М.: Норма, 2007.
14. Авакьян С.А. Федеральное Собрание – парламент России. М., 1999.
15. Киреев В.В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации: монография. Челябинск: Южно-Уральский издательский дом «Образование», 2008. С. 90.
16. Конституции зарубежных государств: учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2003.
17. Андреева Г.Н. Конституционное право зарубежных стран: учебник. М.: Изд-во Эксмо, 2005.
18. Лебедев В.А., Киреев В.В. Суверенная демократия как конституционная идея современной России. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2007.
19. Лебедев В.А. Суверенная демократия: идеология – политика – право (теоретические аспекты) / В.А. Лебедев, В.В. Киреев. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2008.
20. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М.: ООО ИД «Право и государство», 2005.
21. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. М.: Юристъ, 2001.
22. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976.
23. Скурко Е.В. Принципы права: монография. М.: Ось-89, 2008.
24. Руссо Ж.Ж. О происхождении неравенства. Об общественном договоре. Трактаты. М., 2000.
25. Шапсугов Д.Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. М.: Издательская группа «Юрист», 2003. С. 32.
26. Хорошильцев А.И. Государственная власть и принципы ее организации в демократическом обществе (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
27. Кокотов А.Н. Некоторые направления современных конституционно-правовых исследований // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 4.
28. Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М.: Зерцало, 2006.
29. Барнашов А.М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. Томск, 1988.
30. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / редкол.: Грацианский П.С., Каленский В.Г., Нерсесянц В.С. (отв. ред.) М.: Наука, 1983.
31. Желтов В.В. Теория власти: учеб. пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2008.

32. Авакьян С.А. Нужна ли конституционная реформа в России? // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9.

33. Авакьян С.А. Современные проблемы конституционного и муниципального строительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 3.

References

1. Kopnin P.V. Epistemological and logical fundamentals of science. M., 1974 (in Russian).
2. Syrich V.M. Logical foundations of the general theory of law. Vol. 1. Elemental composition. 2-nd edition, stereotyped. M., ZAO Iustitsinform, 2004 (in Russian).
3. John Locke. Works: in 3 Vol. Vol. 3. M., Mysl', 1988 (in Russian).
4. Montesquieu Charles–Louis. The Spirit of the Laws. M., 1999 (in Russian).
5. Dmitriev Yu.A., Nikolaev A.M. System of state power in Russia and in the world: historical and legal retrospective. M., ООО «Profobrazovanie», 2002 (in Russian).
6. Hegel G.W.F. Elements of the Philosophy of Right. M., 1990 (in Russian).
7. Kravets I.A. Russian constitutionalism: Problems of formation, development and realization. SPb., Izdatel'stvo R. Aslanova «Iuridicheskii tsentr Press», 2004 (in Russian).
8. Marchenko M.N. Problems of theory of state and law: textbook. M., Prospekt, 2008 (in Russian).
9. Blazhich N.I. *Modeli razdeleniia vlastei v pravovom gosudarstve dis. ... kand. iurid. nauk* [Models of division of powers in constitutional state. Candidate's of Juridical Sciences thesis]. M., 2004 (in Russian).
10. Gessen V.M. Foundations of constitutional law (second edition). Petrograd, izdanie iuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», tipolitografiia tovarishchestva A.F. Marks, 1918 (in Russian).
11. Chirkin V.E. Constitutional law of foreign countries: 3-rd edition, revised and enlarged. M., Iurist», 2002 (in Russian).
12. Korkunov N.M. Lecture course on the general theory of law: second edition. Foreword by the Doctor of Science, I.Yu. Kozlikhin. SPb., Izdatel'stvo «Iuridicheskii tsentr Press», 2004 (in Russian).
13. Engibaryan R.V. Constitutional development in the contemporary world. Main trends. R.V. Engibaryan. M., Norma, 2007 (in Russian).
14. Avakyan S.A. Federal Assembly – the parliament of Russia. M., 1999 (in Russian).
15. Kireev V.V. Theoretical problems of reforming of Constitution of the Russian Federation: monograph. Chelyabinsk: Iuzhno-Ural'skii izdatel'skii dom «Obrazovanie», 2008. 90 p. (in Russian)
16. Constitutions of foreign countries: schoolbook. Prof. V.V. Maklakov. 4-th edition, revised and enlarged edition. M., Wolters Kluver, 2003 (in Russian).
17. Andreeva G.N. Constitutional law of foreign countries. Textbook. M., Izd-vo Eksmo, 2005 (in Russian).
18. Lebedev V.A., Kireev V.V. Sovereign democracy as a constitutional idea of modern Russia. Chelyabinsk: Cheliab. gos. un-t, 2007 (in Russian).
19. Lebedev V.A. Sovereign democracy: ideology – politics – law (theoretical aspects). Chelyabinsk: Cheliab. gos. un-t, 2008 (in Russian).
20. Baitin M.I. Essence of law (Modern regulatory legal consciousness on the edge of two centuries). Second edition, enlarged. M., ООО ID «Pravo i gosudarstvo», 2005 (in Russian).
21. Bogdanova N.A. System of science of constitutional law. M., Iurist», 2001 (in Russian).
22. Vasiliev A.M. Legal categories. Methodological aspects of development of the system of categories of the theory of law. M., 1976 (in Russian).
23. Skurko E.V. The principles of law: monograph. M., Os'-89, 2008 (in Russian).
24. Rousseau J.–J. Discourse on the Origin and Basis of Inequality Among Men. The Social Contract. Treatises. M., 2000 (in Russian).
25. Shapsugov D.U. Problems of theory and history of authority, law and state. M., Izdatel'skaia gruppa «Iurist», 2003, p.32 (in Russian).
26. Horoshilcev A.I. *Gosudarstvennaia vlast' i printsipy ee organizatsii v demokraticheskom obshchestve (teoretiko-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. iurid. nauk* [Public authority and

principles of its organization in democratic society (theoretical and legal investigation): Candidate's of Juridical Sciences Thesis]. M., 2002 (in Russian)

27. Kokotov A.N. Some directions of modern constitutional and legal researches. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiia* [Journal of Constitutional Justice], 2008, no. 4 (in Russian).

28. Chicherin B.N. General constitutional law. Edition and preface by V.A. Tomsinov. M., Zertsalo, 2006 (in Russian).

29. Barnashov A.M. Theory of division of powers: formation, development, realization. Tomsk, 1988 (in Russian).

30. History of bourgeois constitutionalism of XVII–XVIII centuries. M., Nauka, 1983 (in Russian).

31. Zheltov V.V. Theory of authority: textbook. M., Flinta: MPSI, 2008 (in Russian).

32. Avak'ian S.A. Does Russia need the constitutional reform? *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2012, no. 9 (in Russian).

33. Avak'ian S.A. Modern problems of constitutional and municipal construction in Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2010, no. 3 (in Russian).

*S.A. Osetrov**

DIVISION OF POWERS: TEST OF TIME

In the article one of the basic principals of modern constitutionalism is observed – the principle of division of powers. The author of the article analyses the history of forming of the principle of division of power, its development and actual practice of its realization in Russia and in foreign countries. As a result the author of the article comes to the conclusion that realization of principle of division of power in modern conditions can't be of absolute character because it doesn't reflect the historical patterns of functioning of public power. As a result in the article it is proposed to bring in amendments in the Article 10 of the Constitution of Russia.

Key words: division of power, system of power, modern constitutionalism, presidential power, modernization of the Constitution of Russia.

* *Osetrov Sergey Anatolievich* (sergey-lupus@mail.ru), the Dept. of State and Administrative Law, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.